

«Прелесть элегантности» 910, и праздник человечности

П.К. Мариво «Остров рабов», режиссер Джорджо Стрелер

В помещении Художественного театра имени Чехова спектаклем Джорджо Стрелера группа «Пикколо teatro ди Милано» завершила Второй Чеховский международный фестиваль. Маэстро представил нам пьесу «Остров рабов» французского драматурга XVIII века Пьера Карле Мариво. Пьесы Мариво некогда смотрели с удовольствием Пушкин и Л.Н. Толстой, последний видел его вещь в Комеди Франсез и записал в своем дневнике: «Прелесть элегантности». Такие гениальные мастера театра, как Жан Луи Барро и Жан Вилар, ставили его пьесы и блистали в них. «Торжество любви» Мариво театр Вилара привозил в Советский Союз в звездном составе своей труппы. Некоторые пьесы Мариво изданы у нас отдельным томом в серии «Библиотека драматурга». Их автор был провозвестником идей французских просветителей и провозглашал идеи торжества разума и справедливости, близости к природе и естеству, доказывал абсурдность сословных предрассудков и всеобщее равенство. Непереведенный у нас «Остров рабов» написан Мариво в 1725 году в жанре философской комедии и представляет собой первую часть трилогии, каждая из пьес которой направлена против каких-либо вредных предрассудков. «Остров рабов» направлен против сословного неравенства. Итак, герои Мариво — Месье и его слуга Арлекино, Мадам и ее служанка Сильвия — оказываются после кораблекрушения на острове. Ранее здесь слуги убивали своих господ, чтобы вернуть себе свободу. Но новый правитель острова Тривеллино смягчил приговор: они должны поменяться местами — господа стать слугами, а слуги — хозяевами, и лишь после раскаяния в собственной глупости и жестокости господа вернут себе утраченное положение... Под раскаты грома, свист ветра и плеск потоков воды за белым экраном задника раскачивается тень парусника. Погружение в темноту, слабый свет — и у самой кромки сцены в песке снежной белизны закопошились полуголые фигуры Месье и Арлекино. Так начинается спектакль Стрелера...

Здесь и далее следует виртуозная импровизация в стиле итальянской комедии, причем

Стрелер, наследник по прямой традиции своего народа, одинаково использует опыт и актерский, и кукольный комедии «дель арте». Из всех актеров в наибольшей степени соответствует своей маске Арлекино — Маттиа Сбротти. Он лепечет что-то по-птичьи, роется в песке по-собачьи, откапывая предметы туалета — свои и хозяина, заходится в неожиданных приступах смеха. При всем этом он низведен почти что до состояния марионетки, которую водит за веревочки Стрелер и, пользуясь властью режиссера, порой отпускает их...

Но вот Сильвия (Памела Вилорези) предлагает Арлекино играть в господский флирт. Она требует от него подлинной галантности знатного кавалера, но у него это не очень получается. И все же он споет ангельским, дрожащим от нежности голосом сладкозвучную серенаду, и Сильвия будет таять и обмирать от восторга. Однако зал награждает певца аплодисментами, и Арлекино раздражается дурацким смехом, он прыгает и бьет себя в грудь на манер ученой обезьянки. И Сильвия разрыдалась, ей стало неудобно в новой маске. Она предлагает Арлекино другую игру: пусть он объяснится в любви госпоже. И вдруг Арлекино воспламеняется по-настоящему. Но — о ужас! — в слове «любовь» его речь застревает на первой букве, смешно разевая рот, он пытается преодолеть это препятствие, но тщетно. «Я потерял дар речи!» — грустно сообщает он залу. Его маска терпит двойной крах — мало того что он не сумел быть господином. Охваченный несчастной страстью, он разрушил свою собственную маску, он уже и не Арлекино. Такими они приходят к финалу — несчастные раздвоенные слуги и притяженные униженные господа (Месье — Леонардо де Колле, Мадам — Лаура Маринони). Стрелер делает персонажей Мариво сущими детьми. Хозяева по-детски неразумны в своей жестокости к слугам, а слуги по-детски жестоки в отмщении им. И магически воздействуя на зрителей, он превращает в детей и их, с детским восторгом воспринимающих представленное им действо. Никто не пожалел о том, что спектакль шел без синхронного перевода, режиссер знал, что он не понадобится.

Стрелер, последовательный брехтианец, ненавязчиво вводит в спектакль брехтовский принцип комментария к действию и представляет Тривеллино самим Мариво. Еще один поводырь марионеток, Тривеллино (Ренато ди Кармине) манипулирует своей тростью словно волшебной палочкой, заставляя актеров застыть в самом порыве движения, или хлопает этой тростью по задку зарвавшуюся в пылу обличительства Сильвию, или взмахом трости вверх при слове «разум» возвещает о близости финала. В итоге герои спектакля придут к разумному примирению и прощению друг друга. Но и это еще не финал. Конец спектакля наступает тогда, когда сверху на героев обрушивается дождь — вызывающе настоящий в подчеркнутом театральном оформлении сцены. И, взявшись за руки как дети, сбрасывая с себя одежды — все эти приметы сословных различий, наши герои скачут под этим ливнем, свободные и равные друг другу перед лицом нашей матери Природы.

Не хочется проводить параллели с нашей историей, по-моему, только слепому и глухому неясна очевидность созвучия урока истории XX века с идеями спектакля. Не хочется говорить о новых трениях между Стрелером и «Пикколо театро», помешавшим ему приехать к нам на этот раз. Хочется закончить словами Стрелера к своим актерам, с которыми, как мне кажется, великий театральный режиссер мог обратиться и к зрителям этого представления: «...сейчас мне хочется просто обнять вас всех, одного за другим. Я говорю «всех»: и тех, кто все понял сразу, и тех, кто понял что-то с опозданием. Тех, кто именно сейчас, в последнюю минуту, ступил наконец на истинно человеческий путь познания и любви, и тех, кто еще не сумел этого сделать. Тех, кто ошибался, и тех, кто не ошибался, тех, кто говорил много, и тех, кто говорил мало или не говорил вовсе. Всех. И все это — не из потребности в евангельской риторике, а просто из-за моей неустрашимой, никогда меня не покидавшей веры в человека».